

лицька пропаганда, але діяльність католицьких місіонерів серед православних Сербії та Македонії не мала успіху. Безплідними виявилися і спроби нав'язати Охридському архієпископству унію з Римом.

Під тиском грецького духовенства у 1767 р. автономія Охридського архієпископства була знищена, його підпорядкували грецькому патріарху. Це нанесло важкий удар по македонському духовенству, посилилася еллінізація населення. З ліквідацією Охридського архієпископства Македонія втрачала інституцію, яка сприяла консолідації македонського народу в боротьбі проти завойовників, хоча православні монастирі залишалися осередками церковної, просвітницької та книжкової діяльності. У зв'язку з турецьким завоюванням багато духовних діячів та освічених людей покидають Балкани та переселяються на українські та руські землі.

Незалежно від політичних змін у всіх слов'янських землях, починаючи з IX ст., існував культ слов'янських просвітителів Кирила і Мефодія. Саме завдяки їх діяльності старослов'янська мова стала універсальним культурним здобутком Середньовіччя. Безперечно, що переклад книг на слов'янську мову і створення слов'янського алфавіту відіграли велику роль у приверненні слов'ян до християнства, а Кирило та Мефодій завдяки своїй діяльності на ниві просвітництва стали символами духовної єдності слов'ян.

Упродовж століть територія Македонії піддавалася нападам і спустошенням як з боку Візантійської імперії, так і болгар, сербів, хрестоносців, але Охрид зберігав своє значення як центр православного єпископства. Слов'янські священники були ближчі місцевому населенню, ніж латинські чи грецькі, а книги Климента Охридського, екзарха Іоанна, єпископа Костянтина були більш зрозумілими і легко доступними, оскільки були написані слов'янською мовою.

У той час, коли Рим і Константинополь боролися за духовне панування в Європі, Охридське архієпископство мало високий авторитет у християнському світі і в певний історичний період було центром духовного життя слов'ян не тільки Балканського півострову. Хрещення Київської Русі співпадає із часом існування на Балканах Самуїлового царства – наймогутнішої на той час православної слов'янської держави із автокефальною церквою з центром в Охриді. Охридська церква не підкорялося візантійському патріарху і зберігала упродовж століть свою незалежність.

Джерела та література: 1. Жуковский А. История Буковины. Частина перша до 1774 р. – Чернівці, 1991. 2. Панинское житіє св. Мефодія // Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. Составил Н.В. Ястребов. – СПб., 1911. 3. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской руси X-XII вв. – СПб., 1913. 4. Успенский сборник XII-XIII вв. – М., 1971. 5. Успенский Ф.И. История Византийской империи. – М.-Л., 1948. – Т. III. 6. Франко І. Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії старохристиянської легенди // Зібрання творів у п'ятдесяти томах. – К., 1982. – Т. 34.

Сергій СОРОЧАН

Харків

О СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ХЕРСОНЕСЕ / ХЕРСОНЕС КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Оценка строительной деятельности в Империи ромеев IV-IX вв. никогда не была предметом специального исследования, тем более с точки зрения восприятия её как критерия, некоего своеобразного индикатора уровня развития раннесредневекового византийского общества. Традиционно и вместе с тем недостаточно доказательно она давно оценивалась в историографии как весьма развитая, но столь же традиционно с некоторых пор стал подчеркиваться ее упадок, якобы последовавший после VI столетия и снизивший

строительную активность в "темные века" почти до "нулевого уровня", до точки крайнего предела запустения и бедности. В результате византийские города и поселения этого времени видятся некоторым исследователям заброшенными, неприятными, полуразрушенными центрами, по сути дела "полудеревней" без каких-либо перспектив строительной жизни (Д. Клауде, Г.Л. Курбатов, Ж. Дагрон, А.П. Каждан, К. Фосс и др.). Пересмотреть представления об этом позволяют не столько письменные источники, сколько постепенно накапливающиеся материалы археологических раскопок отдельных, пока немногочисленных ромейских центров, в числе которых по степени своей изученности выделяется Херсонес или Херсон, наиболее значительный город-крепость (полис, полисмата, кастрон) византийской Таврики на юге нынешней Украины.

Действительно, какая-то часть городов, поселений, монастырей, небольших крепостей исчезла кое-где в VII в., кое-где в VIII в., как это видно на примере Подунавья и Малой Азии, но само собой разумеется, что оборонительные стены и башни сотен оставшихся полисов, полисмата, кастра, кастеллиев, цивитатов, фрур и других сооружений военного и административного характера требовали периодических, регулярных ремонтов и перестроек, учитывая беспокойный характер эпохи, насыщенной военными кампаниями, частыми набегами - рейдами, пронизанной духом настороженного ожидания нападений. Пример типичного провинциального византийского укрепленного города - Херсона, располагавшегося в важной "контактной зоне" империи, показывает, что его линия обороны на многих участках и отдельные объекты военно-административного характера воздвигались, подвергались перестройкам, реконструкции в IV-V вв., V-VI вв., VII-VIII вв., IX-X вв., X-XI вв. и, следовательно, каждый раз для этого находили камень, известь, древесину, прочие материалы, опытных ремесленников строительных специальностей, землекопов, инженеров, архитекторов и немалые денежные средства. Даже если не принимать во внимание настойчивую, жизненно важную необходимость совершенствовать линию обороны города, ни одна из его крепостных куртин и башен не была способна простоять без ремонта больше 40-50 лет. К этому можно добавить масштабное строительство фортификационных сооружений ("длинных стен", кастра, фрур) в Юго-Западном Крыму, которое особенно активно велось во второй пол. VI-VII вв. с помощью местных сил союзников - энспондов (enspondoi), федератов империи. Таким образом, свертывание военного строительства в одних местах, компенсировалось его ведением в других.

Не прекращалось и гражданское строительство, возведение, переделки частных и общественных зданий, чему имеются многочисленные примеры. Раскопки 1984 г. в херсонесском портовом квартале 1 на месте средневековых усадеб IX и X позволили обнаружить стены жилых домов VI-VII вв., свидетельствующие о строительной деятельности, которая осуществлялась в этом районе города в самый канун "темных веков". То же самое наблюдалось в соседнем портовом квартале 2, где после нивелировки территории и сноса некоторых старых построек в начале - первой пол. VII в. было сооружено крупное здание, с некоторыми перестройками просуществовавшее до 30-50-х гг. XI в., когда здесь вновь было начато масштабное строительство. Не исключено, что здание, занимавшее третью часть портового квартала и выделявшееся техникой кладки *opus mixtum*, служило таможенным складом - апофикой и было связано со службой коммерциариев византийского Херсона. В целом, раскопки на юго-восточном участке портового района свидетельствуют о непрерывной жизнедеятельности здешних кварталов.

Нивелировка участков под застройку прослеживается и в других районах города. Результаты недавних раскопок экспедиции Института археологии АН России в северном квартале VII позволяют установить, что в первой четверти VII в. здесь тоже было предпринято строительство жилых усадеб, которые, просуществовав несколько столетий, подверглись разрушению лишь в начале XI в. В конце VI в. в северном районе Херсона, в IX квартале велось строительство так называемой Северной базилики и расположенной ря-

дом с ней общественной бани, которые перекрыли одну из поперечных улиц, превратившихся в тупик и вызвали перепланировку этого участка. Прибрежные районы города вообще подвергались наибольшей перепланировке, поскольку постоянное обрушение берега заставляло всё время менять застройку. Результаты раскопок С.Г. Рыжова показывают, что в конце VI - начале VII вв. в северном квартале X было предпринято строительство, которое сопровождалось нивелировкой остатков прежних позднеантичных зданий, рыбозасолочных цистерн, однако возведенные постройки не сохранились, так как были разобраны во время последующей строительной деятельности в XI-XIII вв. Обнаружение рыбозасолочных цистерн, засыпанных не ранее третьей четверти VII в., указывает на то, что строительные работы велись в портовом районе и на северном берегу города вплоть до этого времени. Это же подтверждает образование ряда закрытых археологических комплексов, датируемых по монетам Константа II, фибулам, пряжкам, амфорам, поздней краснолаковой посуде третьей и четвертой четвертью VII в.

Таким образом, работы по перепланировке городских кварталов были предприняты в разных районах города, причем этот "архитектурный бум" пришелся преимущественно на вторую пол. VI - начало VII вв. Наиболее убедительное объяснение ему находится в активизации имперской политики по широкой христианизации населения Херсонеса, вызвавшей бурное церковное строительство и потребовавшей перестроек, создания нивелировочных насыпей под новую застройку. Ромейский город приобретал черты, свойственные новой эпохе, пришедшей на смену поздней античности, и едва ли эти черты стоит называть кризисными. Новое, непохожее на прежнее, еще не значит плохое, упадочное.

Как показывают материалы исследований результатов раскопок XIX - начала XX вв., базиликальные храмы Херсона в большинстве своем были сооружены за время со второй четверти VI в. по середину VII в., но они не смогли бы функционировать в качестве основных общественных зданий до XI в., пока не оказались кардинально перестроенными в соответствии с нуждами новой феодальной эпохи, если бы за их сохранностью не следили постоянно, подвергая периодическим обновлениям. Подобные же примеры базилик, возведенных в VI - VII вв., являют некоторые византийские церкви Кипра, действовавшие на протяжении всего средневековья (наиболее известные - Панагии Ангелоктистос в Кити, Панагии Канакарии в Литранкоме).

В раннесредневековом Херсоне с его примерно 6 тыс. населения было не менее 25 значительных культовых сооружений - макродоминант города: 12 базилик, 9 или 10 крестовых и крестовокупольных храмов, баптистерии около Уваровской, Северной, Западной базилик и "базилики в базилике". Главный, кафедральный центр города, включавший самую крупную базилику с мозаичным полом, обширным атриумом, крытым фиалом для омовений, мавзолеем, галереями и видной крещальней, был отстроен, видимо, не ранее последней трети - конца VI в. В колодеце либо яме, над которой прошла западная стена нартекса базилики, среди 112 монет оказалась медная херсонесская монета того типа, который, как уточнила И.А. Завадская, выпускался в правление Юстина II (565-578) и вплоть до начала правления Маврикия (582-602). Это и дает *terminus post quae* главному сооружению всего монументального архитектурного комплекса на Северном берегу города. Подробности плана входившей в этот комплекс крещальни - октагона с купольным перекрытием также подтверждают, что она не могла быть древнее Уваровской базилики. Примечательно, что серия монет, заложенных в водосливной канал под купелью, тоже завершалась монетой императора Маврикия. Крещальня явно строилась не сама по себе, а с самого начала уже находилась в связи с одновременными постройками вокруг нее, с которыми она соединялась дверями: одни из них вели к базилике, другие - в богатое помещение с мозаичными полами, третьи - во двор, откуда один вход вел к наружному водоему, другой - в притвор перед крещальней, построенный, как и водоем, позже баптистерия и перекрытый крестовым сводом, и, наконец, третий - в саму крещальню. Ее расположе-

ние поблизости от входа в самую просторную базилику Таврики указывает на функции храма как кафедральной церкви, поскольку баптистерии обычно возводились в комплексе с кафедральным храмом и резиденцией епископа.

Вероятно, прочие херсонесские баптистерии, входившие в комплексы крупнейших базилик города, тоже были очень близки ко времени строительства крещальни около Уваровской базилики, хотя имели иную планировку и конструктивное решение, далекое от октагона. Чаще всего это были пристройки или галереи с северной или южной стороны храма. Можно думать, что уже к концу VI - началу VII вв. если не каждый городской квартал, то уж во всяком случае каждый регион Херсона получил свою базилику. Культовое строительство выплеснулось за пределы городских стен, вылившись в строительство загородных монастырских комплексов и храмов. О.И. Домбровский, руководивший в начале 1950-х гг. исследованием остатков одного из таких храмов около Карантинной бухты, установил, что первоначально на этом месте находился небольшой одноапсидный храмик с полом из хорошо отшлифованных, вероятно, мраморных плит, который исследователь отнес к V - VI вв. Решающим аргументом для такой датировки явилось исследование содержимого засыпи тех позднеантичных могил, которые оказались под храмом и содержали 16 монет IV в., а также монету первой пол. V в., найденную в засыпи непосредственно под нижним полом самого храма. Однако материал, извлеченный из засыпи могилы "Д", перекрытой храмом, заставляет усомниться в однозначности выводов О.И. Домбровского, ибо представлен целой серией малых грубых светильников, подражавших сирийско-палестинским образцам V - VI вв., одним из типов поздних малоазийских светильников того же времени, подражанием так называемым фракийским или североафриканским светильникам, бывшим в ходу до конца VI - начала VII в., а также горлом амфоры типа 95 по И.Б. Зеест, который ныне считается западно-малоазийского, возможно, сардского производства и существовал до середины VII в. Из этого можно заключить, что постройка храма, входившего, по мнению Д.В. Айналова, в комплекс загородного монастыря Богородицы Влахернской, могла произойти и в V в., и в VI в., но столь же вероятно, и в VII столетии. Тогда становится понятной и оправданной трудоемкое строительство того гидротехнического сооружения, которое было вырублено в виде подземного хода - галереи поперек склона скалистого водораздела, на плато которого со временем разросся загородный монастырь. Этот дренажный канал, сообщающийся с шахтой со ступенями и колодцем, находившимся рядом с храмом, позволял обеспечить монахов и паломников питьевой водой, вероятно, считавшейся целебной или даже святой по причине нахождения ее среди "святых могил". Начало этому сооружению было положено уже во II - III вв. н.э., судя по находкам керамики на дне подземелья, когда эта территория входила в состав действовавшего языческого некрополя, но стремление расширить протяжение водосборной площади канала за счет вырубки в скале новых колесей галереи должно было возникнуть лишь с возникновением над уже заброшенными языческими могилами и склепами крупного христианского культового комплекса. Скорее всего, это событие совпало с остальным монументальным культовым строительством в городе, наиболее интенсивно проходившем после избавления от тюркской угрозы в '80-х гг. VI в. и до начала VII в., так что папа Мартин, умерший в херсонесской ссылке в 656 г., и его сподвижники, монахи - антимонифелиты, братья Феодор и Евпрепий были похоронены уже в новом храме монастыря Богородицы Влахернской. Отчасти это подтверждает находка заклада с монетами поздне-римских императоров вплоть до Юстиниана I в стенке водоема диаконника храма. Учитывая длительность обращения таких монет в Херсонесе, можно допустить, что они были положены во время строительных работ, ведшихся во второй пол. VI в. или даже в VII в.

Не позже конца VIII - начала IX вв. на противоположной, западной загородной стороне был сооружен еще один кладбищенский, в два раза меньший крестообразный храм, убедительно отождествляемый А.И. Романчук с известным из письменных источников

храмом Св. Созонта. Он фигурирует в рассказах о перенесении мощей мученика, римско-го папы Климента, состоявшемся в Херсонесе зимой 860/861 г. при участии посланца императора Михаила III, Константина Философа, причем из этих же свидетельств следует, что в городе были и другие церкви, например, Св. Прокопия, большие храмы, такие как "дом (церковь) Св. Леонтия", возможно, главная храмовая церковь женского монастыря, отождествляемая с Западной базиликой, а также главная "Большая базилика", вероятно, кафедральный храм Св. Петра и Павла (Св. Апостолов) на северном берегу.

В городе в это время тоже сооружали новые типы культовых зданий. Примером такой постройки классической эпохи "темных веков" является типичный крестовокупольный храм, располагавшийся на агоре в центре раннесредневекового Херсонеса. Ныне его остатки (по счету Императорской Археологической комиссии - № 29) виднеются с южной стороны Владимирского собора, рядом с ранневизантийской базиликой № 28. Храм имел почти квадратную форму (примерно 16 x 19 м.) в виде вписанного креста, отделенного стенами от угловых частей. Таким образом, его внутреннее пространство не имело единства. Все указывает на ранние черты здания. Их отмечал и Д.В.Айналов, и А.Л.Бертье-Делагард. С этим был согласен и А.Л.Якобсон, который без достаточных оснований позже стал "с несомненностью" относить постройку "к концу IX или к X в.". Противоречия себе, он писал, что храм не имел единого внутреннего пространства, как это характерно для раннего типа крестовокупольных зданий, берущих начало в VII в. Лишь в дальнейшем, с X в., стенки, отделяющие угловые помещения, атрофировались, опорные столбы стали отдельно стоящими, а внутреннее пространство здания приобрело единство. Ничего этого в херсонесском храме нет и, следовательно, он вполне мог быть построен в VIII в., чему не противоречит и аккуратная техника кладки из крупных, хорошо отесанных блоков известняка с бутом на известковом растворе, и подчеркнутый внутри и снаружи центральный крест здания, что было характерно для ранневизантийской архитектуры. Тем более, аналогии херсонесскому храму находятся среди малоазийских и балканских церквей не только IX, но и VIII в. Об этом же свидетельствует находка на агоре города мраморной капители колонны VIII - IX вв., украшенной характерным рельефным трилистником. Вообще, остатки раннесредневековых мраморных архитектурных деталей, алтарных преград и мозаичных полов указывают на богатство и нарядный облик херсонесских христианских храмов. Усилиями местных мастеров такой интерьер сохранялся и поддерживался из века в век, даже при кардинальных переделках и реконструкциях. Элементы его даже не вторичного, а многократного использования встречаются повсеместно почти во всех поздневизантийских храмах, квартальных церквях-усыпальницах Херсонеса, куда со временем попало это наследие "темных веков".

В VIII - IX вв. до своего максимального размера была доведена одна из самых мощных фланговых башен города - башня XVII, возможно, называвшаяся Кентинарисий, которая достигла диаметра 23 м. Очевидно, тогда же или несколько позже, в IX-X вв., была возведена оборонительная линия юго-восточного участка на новом повышенном уровне, а по всему юго-восточному фронту была возведена новая передовая стена. По мнению И.А. Антоновой, значительное обновление крепостных укреплений Херсонеса было предпринято в первой пол. IX в. Как удалось уточнить в результате исследований 1957 - 1958 гг., в IX-X вв. за счет постройки новых куртин и башен был существенно обновлен и улучшен западный оборонительный рубеж города, что позволило включить в границы городища обширную территорию около 2 га. Это было очередное после VI в. расширение территории Херсонеса в западном направлении. Тогда же была предпринята значительная реконструкция всей оборонительной линии города, сопровождавшееся возведением новых участков протехисмы, сооружением на ней новых башен, доведением толщины передовых стен до 3 м, расширением перибола и застройкой военной дороги - помериума вдоль тыльной стороны куртин. Свидетельства Анастасия Библиотекаря, запечатленные в его

известном письме к епископу Гаудериху, тоже позволяют составить представление о византийском Херсоне 50-60-х гг. IX в. как об одном из наиболее укрепленных провинциальных городов империи с высоким оборонным потенциалом, для поддержания которого нужны были умелые рабочие руки и деньги.

Надо думать, активизация строительных работ военно-административного характера была вызвана организацией новой византийской фемы в Юго-Западном Крыму, центром которой с 840-х гг. стал Херсон. Особенно интенсивная застройка шла во второй пол.-конце IX в. в юго-восточной части города, в так называемой "цитадели", где был возведен целый комплекс помещений и построек, интерпретируемый как византийский преторий. В этот общественный архитектурный комплекс, где размещался штаб стратига, а, возможно, суд и тюрьма, входило два однотипных монументальных здания с четырьмя внутренними помещениями общей длиной 23,5 м и шириной по 5 м, размещенных друг против друга, перед большим закрытым центральным двором (12 x 23,5 м), вход в который вел с запада через колоннадный портик. Посреди двора находился колодец, а с востока примыкала роскошно украшенная мрамором трехнефная базилика (12 x 12 м).

Очевидно, синхронно с этим строительством, судя по находкам монет Василия I (867-886), в Херсонесе велись работы по созданию инженерно-архитектурного комплекса с целью защиты Западной базилики, входившей в предполагаемый женский монастырь св. Леонтия, от наносов глины с южной возвышенности и одновременно между Западной базиликой и "базиликой на холме" была спланирована большая площадь из насыпного грунта, мощеная кулачным камнем - булыжниками 10 - 15 см в диаметре. Спустя столетие, после окончания осады города князем Владимиром, на месте "базилики на холме" по приказу князя была поставлена церковь, по поводу которой Иаков Монах, агиограф блаженного Владимира, заметил, что ее выстроили "на горе святого Василия". Возможно, название объяснимо тем памятным для херсонитов обстоятельством, что именно здесь в IV в. был растерзан язычниками Василий, первый епископ города, стяжавший мученический венец, а позже на месте его гибели христиане воздвигли каменный столп с крестом. Здесь же неподалеку, подле западной оборонительной стены, были погребены останки мученика и со временем, скорее всего, в VII в. была сооружена гробничная капелла - мартирий или часовня со склепом, ставшая одной из святынь Западного городского монастыря или "дома Св. Леонтия".

Следует также учесть, что к раннему средневековью относится строительство и функционирование в Херсонесе общественных бань с системой гипocaustов, одна из которых была обнаружена в III квартале и доследована в ходе раскопок 1982, а другая находилась в IX квартале, недалеко от Северной базилики. Все эти многочисленные работы по сооружению, перестройке, ремонту городских оборонительных сооружений, общественных построек, разнообразных культовых, производственных комплексов, жилых усадеб, хозяйственных, складских, кладовых помещений, какие практически непрерывно в том или ином объеме осуществлялись в Херсонесе и его округе, давали средства существования местным наемным артелям строителей, каменщиков, штукатуров и прочих "специалистов кайла и мастерка". Это никак не увязывается с заявлением о прекращении монументального строительства в "обезлюдовшем, обнищавшем и словно вымершем" городе вплоть до X в. Напротив, можно согласится теми, кто, как проф. Н.П. Кондаков, имели весомые основания полагать, что "лучший строительный период и, по-видимому, наиболее блестяще время Херсонеса приходится на VII - IX столетия". Поэтому нам видится иной облик этого византийского провинциального города.

Он был хорошо защищен. Двое больших ворот с принадлежавшими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в Херсон. Число оборонительных башен простиралось до 42, а самые стены достигали трех - четырехметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10 м. Внутри стен этого прекрасного, благоустроенного горо-

да, сложенного из белого или слегка желтоватого, как бы золотистого известняка, подымались крыши примерно тысячи зданий, частных и общественных, краснели черепичной кровлей более десятка базилик, а также виднелись купола нескольких крестовых храмов и крупного баптистерия на северном берегу, свидетельствующие о зажиточности и благочестии горожан и их имперских властей.

Костянтин БАРДОЛА

Харків

ФИНАНСОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ВИЗАНТИИ VII-IX ВВ.

В дискуссиях византийцев о характере византийского общества периода так называемых "тёмных веков" вопросу государственного аппарата придаётся незаслуженно мало внимания. Это тем более удивляет, что эта тема довольно хорошо освещена в источниках этого периода. Тактикаон Успенского и Клеторологий Филофея представляют собой описание иерархии чиновников, и хотя не содержат их функциональную характеристику, этот недостаток можно компенсировать упоминаниями о чиновниках в письменных и сфрагистических источниках. В результате анализа всех этих источников можно получить достаточно широкое представление о характере всей финансово- административной системы Византии VII-IX веков в целом. Рамки доклада позволяют осветить только общие принципы построения финансовой администрации Византии VII-IX веков.

Согласно источникам VII-IX веков система финансовой администрации Византии этого периода представляла собой стройную и хорошо отлаженную структуру. Она состояла из одиннадцати независимых друг от друга служб с различными функциями и со своим штатом чиновников. Возглавлял и контролировал эти ведомства чиновник, называемый в источниках "сакелларием". Используя Тактикаон Успенского и Клеторологий Филофея, написанные в разные периоды IX века, мы можем проследить изменения, происходившие в иерархическом статусе этой должности. Тактикаон упоминает сакеллария трижды: в ранге протоспафария и расположенного ниже логофета геникона; в ранге патрикия выше логофета геникона, но всё ещё ниже стратегов; вместе с препозитом и евнухами выше всех военных и гражданских чиновников государственного аппарата. В конце IX века сакелларий, согласно списку чиновников Филофея, опять опустился на иерархической лестнице до ранга патрикия и стоял ниже стратегов. Таким образом, в VII-VIII веках значение сакеллария, а, следовательно, и всей финансовой системы было предельно высоко, и стало понижаться лишь к концу IX века. Это противоречит мнению Тредголда о том, что иконоборческие императоры уделяли мало внимания гражданской администрации, и, что подъём этой администрации, приходится на время императоров иконопочитателей. Сакелларий опустился по иерархической лестнице ниже стратегов именно при иконопочитателях.

Второе место в группе одиннадцати так называемых секретов занимал штат логофета геникона. Среди исследователей нет единого мнения о функциях этого ведомства и его руководителя. Бюри, стремясь доказать поступательное развитие административных институтов византийского общества часто ищет параллели между административным устройством Византии IX века и Византии III-VI веков. Он считает, что ведомство логофета геникона переняло почти все функции казначейства священных щедрот. Вслед за ним этот тезис повторяет Брейе. Однако если мы посмотрим на довольно многочисленный штат чиновников геникона, то увидим, что почти все они связаны со сбором налогов. Но ни один из них не связан с их хранением и распределением, чем в III-VI веках занимались чиновники казначейства священных щедрот. Можно сказать, что от казначейства священных щедрот ведомство логофета геникона унаследовало часть функций, затрагивающих сбор налогов. К ним прибавились функции сбора налогов, которые принадлежали